

ЗОНА МОЛЧУНОВ

ДМИТРИЙ РОМОВ

ТЕБЯ
УСЛЫШАТ

ТОМ 2

Дмитрий Ромов
Тебя услышат. Том 2
Серия «Зона молчунов»

<https://litres.ru/73952276>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир перевернулся за одну ночь. Большинство людей стали «молчунами». Военный инженер Михаил Нордов, попавший в эпицентр событий, имеет богатый боевой опыт, он бывал в горячих точках и умеет выживать.

Но сейчас задача гораздо сложнее. Ему надо найти секретный объект. Найти и узнать, он ли является причиной разразившегося конца света.

Только сделать это непросто. Нужно пройти через всю страну и защитить тех, кто доверил ему свои жизни. А путь предстоит очень непростой. Им придётся вырывать свои жизни в битвах с молчунами, бандитами, бывшими военными. Рискнуть всем, чтобы остановить то, началось практически тридцать лет назад.

Содержание

Глава 1. Эвакуация

4

Глава 2. Хвосты

22

Дмитрий Ромов

Тебя услышат. Том 2

Глава 1. Эвакуация

Низкий вибрирующий гул пробирал насквозь, заставлял вибрировать всё тело, заполнял мощью и силой. Два вертолёта опустились на полигон. А один, судя по всему, ушёл к штабному корпусу, там была вертолётная площадка, и мы видели её раньше. Сразу начали выскакивать люди в форме, но разглядеть её отсюда не получалось.

— Пойдёмте к ним, — воскликнула Юля. — Это же военные, это же наши.

— Это же наши? — переспросил Шершень и покачал головой. — Я чёт наверно поостерегусь. Не из тех, кто дважды на одни грабли наступает.

— Надо предупредить людей, — сказал я. — Пойдём. Только не по центральной аллее. Аккуратненко. Мимо склада.

— Да почему? — не поняла Юля. — Это же помощь!

— Потом расскажем, — кивнул Шершень и направился следом за мной.

Мы подбежали к складу и я завёл фургон.

— Ты чё, спалимся, — покачал головой Шершень.

— Садитесь, машина может пригодиться, — кивнул я. —

Быстренько, быстренько.

Все забрались внутрь. Я газанул. Фонари не включал. Подъехали к санчасти, и я поставил машину с задней стороны, между деревьями, так чтобы её не было видно с центральной аллеи. Из спального корпуса высыпались люди. Крутили головами. Увидев нас, подбежали.

— Так, тихо, народ, — начал Шершень. — Будем отходить. Давайте только быстро, чётко и без суеты.

Но люди разбредались, задавали вопросы, уходили, возвращались. В общем, без суеты не удалось. Если бы мы были одни, успели бы уйти однозначно. Рванули бы не к центральному выезду и свинтили бы. Но сейчас, когда с нами были люди, я не мог просто так их бросить. Мы забежали в санчасть.

— Кум, бросаем этих баранов! — воскликнул Шершень. — Им хоть в лоб, хоть по лбу. Пусть сами выкручиваются, если не соображают. Мы уходим. Народ, давай, погнали!

Он разгорячился, но вдруг оборвал сам себя на полуслове, встретившись взглядом с Любой.

— Ладно, я понял, — кивнул он, нахмурившись и подошёл к окну. — Если назвался паханом, не можешь чисто соскочить и братву кинуть. Пошли тогда, Кум, будем рамсить с захватчиками...

Мы вышли из санчасти как раз в тот момент, когда перед крыльцом собралась группа наших мирных. С двух сторон

подтянулись пришельцы. Экипировка у них была хорошая, но знаки различия отсутствовали. Небольшие колонны подошли с двух сторон — с полигона и с вертолётной площадки.

— Внимание! — заговорил высокий крепкий мужик, вероятно, командир. — Я полковник Крамской. В государстве организован «Чрезвычайный Комитет» для устранения последствий катастрофы. Сейчас по всей стране разворачиваются лагеря временного содержания для обеспечения выживших, в том числе, для оказания первой помощи. В них есть тепло, вода, еда, врачи. Пока по стране идёт локализация последствий, все выжившие приглашаются для размещения в эти центры. У нас есть видео, если захотите, сможете посмотреть.

Он кивнул на человека с планшетом.

— Это капитан Курзанцев. У него вы можете посмотреть обращение руководства страны и съёмки из реальных лагерей размещения. Всё делается в интересах граждан! Вы не одни, мы пришли, чтобы помочь! Данный объект переходит под контроль «Чрезвычайного Комитета». Завтра утром сюда прибудет Ми-8 с личным составом, который будет нести службу на территории объекта. Все мирные граждане приглашаются для эвакуации. Ориентировочное время отбытия — семь утра.

— А мы все войдём? — крикнул кто-то.

— Вертолёт большой, берём тридцать человек, максимум сорок. Если не войдут все — будут дополнительные борта.

Не переживайте. Сколько вас?

— Все здесь!

— Тогда и говорить не о чем, — кивнул полковник.

— А у нас на ферме здесь неподалёку ещё несколько человек, — сказала одна из женщин. — Их тоже нужно забрать.

— Подойдите к Курзанцеву, объясните ситуацию. Будем решать. Но возможности собирать всех по деревням у нас нет. Пускай приезжают сюда. Или направляются самостоятельно в ближайший центр размещения. Он находится в трёхстах километрах, в Новосибирской области. Там есть аэродром, гидроэлектростанция, рыбное хозяйство, больницы. Там есть энергия, канализация, созданы все возможные условия, чтобы переждать тяжёлые времена.

— Переждать? — воскликнул Шершень. — Походу, гражданин начальник, это нифига не временная катастрофа. Переждать её, пересидеть где-то не проканает.

— Не волнуйтесь, если нужно будет, новую жизнь отстроит. С момента начала катастрофы прошло несколько дней. Уже проведена огромная работа. Руководство страны ночами не спит и работает в кооперации с руководителями других государств.

— А кто из руководства выжил? — спросил кто-то.

— Когда разместитесь в пункте, получите доступ к новостям, и к политинформациям. Будете знать, что творится в мире и в стране.

— А интернет там есть?

— Там есть всё. Вы, конечно, и здесь неплохо устроились, — как бы дружески усмехнулся он. — Но другим людям повезло меньше. Тем не менее, все выжившие приглашаются в лагеря содержания. Организовывается целая сеть лагерей по всей стране, у крупных населённых пунктов. Кто у вас старший?

Все головы повернулись ко мне. Я вышел вперёд.

— Нордов Михаил, — представился я и, подумав, соврал. — Майор инженерных войск.

По лицу полковника пробежала тень недовольства.

— Курзанцев, ответь на вопросы гражданским. — Кивнул он и добавил мне. — Отойдём, майор.

Я услышал краем уха как Курзанцева начал пытаться Шершень.

— Мы вот тут были уже в одном лагере, в Ленинске. Это такой же? Там военные отстреливали мирных граждан. Это как вообще-то понимать?

— Мы не армия. Полковник вам объяснил. Мы «Чрезвычайный Комитет», наделённый всей полнотой власти в переходное время.

— А чёт в Конституции ни о каком «Чрезвычайном Комитете» ничё не сказано, — не унимался Шершень.

Дальнейшего я уже не слышал, мы отошли с полковником в сторону и остановились под фонарём. Лицо у него было холодным, с тонкими чертами.

— Майор, ты молодец, — сказал он. — Собрал людей,

не растерялся. Военный подход. Это хорошо, ведь ситуация требует чётких действий. Скажу прямо, не для передачи остальным, ситуация пока постоянно ухудшается, появляется огромное количество свежезаражённых.

— У нас есть практически подтверждённая гипотеза о том, как происходит заражение, — сказал я.

— Отлично. Прибудете в центр размещения, доложите медицинскому начальству. Там вас сразу выслушают.

— Погодите, товарищ полковник, мне нужно именно с вами поговорить. Не про лагерь, а про этот объект.

— Некогда разводить говорильню, майор. Мне надо принимать объект под контроль.

— Я могу помочь сориентироваться, — предложил я.

— Хорошо, — поморщился он, будто говорил с малым ребёнком. — Где штаб?

— Штабное здание, — сказал я, — полностью занято молчунами.

— Это ещё кто?

— Заражённые. Это тот корпус, — я кивнул в сторону здания похожего на элеватор. — Учитывая предполагаемую специфику данного научного центра, автономные системы, средства связи, РЭБ, машинное управление — там может быть оборудование, которое поможет установить наличие слабого стабилизирующего сигнала в низкочастотном атмосферном диапазоне.

— Что это за хрень? — нахмурился он.

Я вкратце обрисовал ситуацию, описав её, как гипотезу, не упоминая операцию в Югославии в девяносто девятом, резонансную установку, сбитый самолёт и перенос во времени. Сказал только, что занимаюсь проблематикой фазовых скачков.

Он уставился на меня тяжёлым взглядом. Недоверие и недовольство видно было даже в неярком свете фонаря.

— То есть, майор, ты хочешь мне сказать, что я сейчас должен всё бросить и начать вникать в твою белиберду?

— Смотрите... Как вам объяснить. Мне нужно определить источник излучения, который был перемещён... э-э-э... примерно тридцать лет назад. Он мог дать толчок для...

— Мог дать? — перебил полковник. — Где он сейчас твой источник?

— В Сербии. Если не был перемещён, выключен или остановлен, то до сих пор находится на территории Сербии.

— Румянцев! — крикнул полковник.

К нам тут же подбежал усатый здоровяк.

— Быстро заканчиваем с вопросами мирных, и идём по плану. Личный состав приготовить к инспекции объекта! — скомандовал он и снова повернулся ко мне. — Майор, можешь показать, что здесь к чему?

— Так точно, показать и рассказать всё могу. Но вы послушайте по поводу установки, это важно.

— Я понял, будешь рассказывать по ходу дела. Это что?

— Это столовая. Там чисто.

— Какие запасы продовольствия?

— Вы понимаете важность того, что я говорю? — спросил я, немного раздражаясь.

— Сколько раненых в санчасти?

Я ответил.

— Это ты код доступа передавал? Что значить девятьсот семнадцать?

— У меня протокол. Просто обозначение... В общем, что я готов к получению команды.

— А кому-то это важно? — с сожалением посмотрел он на меня. — Ты Рэмбо, может быть? Или секретный агент?

— Штабной корпус — это вон тот, похожий на элеватор, — вздохнул я. — В нём, учитывая специфику исследовательского центра, может быть оборудование, которое поможет установить, включён ли источник. Но для этого нужно зачистить здание. И мне нужно ваше разрешение для проведения работ в соответствующей лаборатории.

Он снова посмотрел на меня уже без всякого интереса.

— Зачистим, — кивнул он. — Завтра прибудет личный состав, и сразу начнём этим заниматься.

— Товарищ полковник...

— Слышь, майор, — перебил он. — Инженерные войска, да? Ну-ну. Не надо из меня лоха делать. Короче, у меня есть задача. Твои предположения и гипотезы не ко мне. У меня своё начальство, у тебя своё. Обратись по команде. Ты будешь рассказывать что здесь к чему или нам самим разби-

раться?

Я вернулся в санчасть глубокой ночью. Зашёл в небольшую столовую. Налил давно остывший кофе и сделал несколько глотков. Подошёл к окну. По аллее прошёл вооружённые патруль. С дисциплиной и контролем у комитетчиков всё было чётко.

К санчасти торопливо шёл Шершень. Он увидел меня в окне, кивнул, застучал каблуками по коридору и вошёл в столовую.

— Не спишь, Кум?

— Не сплю, Кума.

— Э-э, ты поосторожней с кумой, — ощерился он.

— Ладно. Откуда и куда?

— Да там... скорешился, короче с одним вертухайчиком.

Покурили, за жизнь малость перетёрли. Интересные вещи рассказывает. Кофейку не осталось?

Я отдал свою кружку.

— Он говорит, типа, лагерь — это реальная тема и что он сам там был. Точняк, всё как полкан набрехал. Жратва, размещение, не в одиночках, конечно, но и не в палатках. Корпуса стационарные, есть больничка, даже электричество включают. Но, говорит, если этот трындец за полгода не кончится, тогда амба, всё рухнет нахрен. Людей везут, а ресурс не прибывает. Постоянно вспышки, типа народ каждую ночь

обращается. Новый народ подвозят, но...

Он достал сигарету.

— Здесь не кури.

— Да я в окошко.

Он открыл форточку и выдохнул.

— И ещё, типа по секрету, — добавил Шершень. — Он говорит, типа у «Комитета» этого непонятки и тёрки с армией, кто главнее и у кого власть.

— А официальные власти?

— Думаешь, солдатик этот всё знает, что ли? — пожал плечами Шершень. — Ночью, кстати, отправили тачку на ферму за теми работягами. Но чёт походу, никто пока не вернулся. Накрылась идея со свинарником...

Начали подтягиваться наши. Минут через пять собралась вся наша маленькая банда. Леночка только спала. Остальные пришли все.

— Почему не отдыхаете? — спросил я.

— Да как тут отдыхать, видишь какие дела творятся? — развела руками Люба.

— Короче, лагерь реальный под Новосибиром, — сказал Шершень — Стоит на реке, у плотины. И типа молчунов нет.

Все замолчали и вопросительно уставились на меня.

— По-моему, дело ясное, — хмуро сказал я и обвёл собравшихся взглядом. — Надо отправляться в лагерь. В любом случае, даже если бы мы остались здесь, нас всё ещё мало, чтобы выжить. Мы бы продержались, но это неважно, нас

отсюда выгоняют. Поэтому, исходя из того что вижу и слышу, считаю оптимальным отправиться в этот лагерь. Для Лены там учёба наверняка будет организована, сверстники. Всё наладится, друзья. Прошло ещё слишком мало времени. Всё будет хорошо.

— А ты? — спросила Ирина.

— А я... останусь здесь, — кивнул я. — Мне надо воспользоваться оборудованием, которое здесь имеется. Возможно, это поможет разобраться с тем, что происходит.

— А ты? — повернулась Ирина к Шершню.

— Я-то? — Он обвёл взглядом всех и остановился на Любе. — Я-то, братья и сестры, на лагерь в своей жизни наглядился. Больше не хочу, хватит. Я с Кумом останусь. В лагерь по-любому мне путь заказан.

— А если не разрешат остаться? — нахмурилась Люба.

— На нелегалку перейду, чё, — он усмехнулся. — Не горюй, Люба, увидимся. В шесть часов вечера после войны.

Люба, похоже, не поняла про что говорит Шершень, но едва заметно покачала головой.

— То есть, — спросила у меня Юля, — тебя они оставят?

— Не факт, — сказал Шершень. — Не факт, что Кума оставят. Видала, как на него полкан смотрел?

— А если нет? — не сдавалась Юля.

— Тогда пойду дальше, — кивнул я.

— Куда дальше?

— На Москву...

В Москве был оперативный штаб операции. В Москве был исследовательский центр, к которому я был прикреплен. В Москве про «Рубеж» знали гораздо больше, чем здесь. По крайней мере, тридцать лет назад. Может, дело и не в «Рубеже», но это надо было проверить. В Москву, опять же, должны были прийти все наши ребята из группы. Если, конечно, не остались в девяносто девятом. Ну, а если остались... может, кто-то из них был ещё жив. И это было бы даже лучше. Наверняка их можно найти. Но там, а не здесь.

— О! Кум, я с тобой! — хлопнул меня по плечу Шершень.

— Полегче, брателло, — поморщился я.

— Сорян. Кстати, молодец, что фургончик с краешку поставил.

Повисла неловкая тишина, стало слышно пощёлкивание и позвякивание лампы дневного света.

— Абрам, ну а ты чё? — спросил Шершень у Троцкого.

— Женщин и детей не спрашиваю, тут всё ясно.

— Лагерь для беженцев — это место для женщин, да? — едко вставила Люба.

— Цыпа! — широко и искренне улыбнулся Шершень. — Это не лагерь для беженцев. Это новая жизнь. Место, где можно жить.

— Сам ты Цыпа, — зыркнула она на него и отвернулась.

— Девчата, за вами Абрам присмотрит. Он там большой шишкой станет. Будет вам икру отгружать. Абрам, ты уж не забывай девчат наших, когда поднимешься по своей инфек-

ционной лестнице.

Эдуард Борисович насупленно молчал. Было непонятно, как он относится ко всей этой ситуации.

— Абрам, ну скажи хоть слово.

— А что тут скажешь, общие беды сплывают коллектив,
— произнёс он и замолчал. — А мы с вами уже пару пудов соли через себя пропустили. Но если подойти рационально, Михаил прав. Нам нужно перебираться в лагерь. Здесь шансов гораздо меньше. А за стеной этого объекта их практически ноль. За стеной смогут выжить только такие, как эти двое.

Он кивнул на нас с Шершнем.

— Миша, — сказала Ирина тихо, — у тебя рёбра, у тебя нога...

— Нога уже почти не болит, — соврал я. — А рёбра рано или поздно срастутся. Не так, так этак.

— Ну, будет кривенький Куманёк у нас, — усмехнулся Шершень. — Зато живой. Плохонький да свой. Найдёт центр принятия решений, всё порешает, всех спасёт-на. А Абрам в Новосибире вакцину сочинит. Там же Академгородок. А когда всё закончится, мы приедем в Северное и будем бычков **ростить**.

Никто не засмеялся. До утра все просидели в столовой. Спать никто так и не пошёл.

А утро началось рано и громко. С грохота вертолётов. Прилетел большой Ми-8. Из него высыпала толпа бойцов «Чрезвычайного Комитета». Перед спальным корпусом громыхал голос полковника, усиленный мегафоном.

Он просил всех гражданских лиц выйти на аллею. Просил вежливо, но очень настойчиво, скорее приказывал. К корпусу подогнали автобус, на котором мы перевозили народ с фермы.

— Ну что, девушки-красавицы? — сказал Шершень. — Давайте прощаться, а то на автобус опоздаете. Ленка!

Леночка, вошедшая в столовую, посмотрела на него в изумлении.

— Мишку не забудь!

Она глядела на Шершню не моргая.

— Какая тебе Ленка? — засмеялась Люба. — Она Леночка, да, Леночка?

Леночка не ответила. Посмотрела на всех, обвела взглядом и показала Шершню медвежонка, которого держала за спиной.

— Ну всё, теперь я спокоен, — разулыбался Шершень и подмигнул девочке. — Мишка в надёжных руках.

В это время очень низко над объектом пролетело несколько вертолётов. Они пронесли над нами и улетели.

Мы вышли из здания с вещами, с продуктами, с тем скарбом, который имеет свойство накапливаться быстро даже в самых походных ситуациях. У спального корпуса шла посад-

ка.

— Пойдёмте, а то потом бегать, догонять, — сказал я.

— Так ты мне не рассказал, — покачала головой Юля, подойдя ко мне. — Что ты за такой друг моего папы, который чуть старше меня по возрасту. И маму мою помнишь. И папу... Миша Нордов, человек-загадка...

Она помолчала, а потом грустно добавила:

— Ладно, не пропадай. Даст Бог, увидимся...

Юля отошла в сторонку, отвернулась и стала ждать остальных.

— Не люблю прощаться, — хмуро сказал Шершень. — Короче, нормально всё будет, не парьтесь. Живы будем, не помрём. Давай, народ, братья и сестры, Бог с вами!

Ко мне подошла Ирина.

— Береги себя, — сказала она и протянула две коробки с ампулами и упаковку с одноразовыми шприцами. — Прибери это.

— Что это?

— Обезболивающие и антибиотики. Нам-то уж особо не пригодятся, мы на гособеспечение уезжаем. Ладно, Михаил... Будь здоров... Хороший ты парень. Хорошо, что в больнице нашей оказался

Она грустно улыбнулась, поднялась на цыпочки и чмокнула меня в щёку. А Леночка в это время взяла меня за руку.

— Пока, Ленок, — кивнул я. — Следи за мамой своей.

Она отпустила мою руку и подошла к Юле, а к полковни-

ку, стоявшему у автобуса, в этот момент подбежал Румянцев и начал что-то взволнованно докладывать.

— Эх, Люба-Любонька! — сказал Шершень и вальяжной походочкой подошёл к Цыпе.

Он чуть наклонил голову, прищурился и посмотрел на неё с улыбкой.

— Ну, а дальше-то чё? — хмуро кивнула она — В песне-то твоей что дальше?

Не дав ему опомниться, она обняла его и поцеловала в губы.

— Слышь, Кум, — усмехнулся Шершень, когда она его оттолкнула, — походу, придётся тебе одному справляться.

Все засмеялись, и Люба засмеялась. Засмеялась и хлопнула его по плечу.

В этот момент снова раздался грохот моторов, наполнивших округу глубокими низкими вибрациями. Три вертолёта прошли над нами низко-низко.

— Это армейские, — сказал я, прищурившись.

Чекисты забегали. Что-то происходило. Вертолёты пошли на новый круг.

— Так, быстро заканчиваем! — закричал полковник. — Заканчиваем посадку! Бегом!

Раздался выстрел. Из вертолёта пустили ракету. Она ушла за территорию. Где-то раздалась автоматная очередь.

— Не стрелять! — заорал полковник.

Автобус дёрнулся и поехал в сторону полигона.

— Э! — заорал Шершень и пронзительно свистнул. — Шеф, погоди!!!

Но шеф не погодил, а в стороне главного КПП раздался взрыв.

— Твою мать! — воскликнул Троицкий.

— Так, быстро в микроавтобус! — скомандовал я. — Сейчас их догоним!

Все бросились за мной к фургону, стоявшему за углом. Я вскочил за руль, завёлся, дождался пока все забросят веды и заберутся внутрь. Начал сдавать, глядя в зеркало и резко тормознул. По аллее неслись наши броневые автомобили с бойцами «Чрезвычайного Комитета». Дождавшись, когда они пронесутся, я выехал на аллею. Развернулся и рванул за броневиками в сторону полигона.

— Чё за кипишь? — процедил Шершень. — Нездоровая тема, Кум... Точно говорю, нездоровая...

Сзади раздался ещё один взрыв.

— Крепко закусились в верхах, — покачал Шершень головой. — Походу, «Комитетчики» рамсы попутали, а нам под раздачу...

Впереди послышалась стрельба.

— Кум, поднажми! — закричал Шершень и показал вперёд.

Но я и сам видел. Здоровенный и неповоротливый Ми-8 начал подниматься над полигоном, а из-за нашей спины, низко прижавшись к земле, летела тройка армейских верто-

лётов.

Шершень заметался, нажал на клаксон, вылез в окно, начал махать зависшему между землёй и небом транспортнику.

— Жди!!! — заорал он вертолёту. — Жди, падла!!!

Вертолёт никак не улетал.

— Увидел! Увидел! — радостно закричал Шершень. —
Смотри! Не улетает! Ждёт!

До полигона оставалось уже всего ничего, когда стихшая было стрельба послышалась снова.

— Жми! Жми! Кум! — закричал Шершень.

И я нажал. Нажал и тут же резко ударил по тормозам. Из боковой улицы на нас неслась толпа молчунов. И в них было что-то новое.

Глава 2. Хвосты

Перед нами была не огромная орда, а стая примерно в сорок голов. Они вышли из боковой улицы и остановились.

— Чего ждём? — прищурившись, спросил Шершень не то у них, не то у меня.

Я не ответил. Моё внимание было приковано к высокому, жилистому и худому молчуну. Он выделялся ростом и комплекцией, возвышаясь над остальными почти на голову. Но не это было главным. Он повернулся к нам, и как бы... посмотрел на нас. Посмотрел!

— Ты понял?! — присвистнул Шершень. — Он смотрит на нас, что ли?

Действительно, глаза у него не были такими мутными и подёрнутыми белёсой пленой, как у остальных, и складывалось ощущение, что он на нас именно смотрел. А потом потянул носом, будто принимался.

— Фига се... — протянул Шершень. — Да он у них типа пахан в натуре.

Я не ответил, продолжая наблюдать за паханом. Он напоминал вожака волчьей стаи. Посмотрел, понюхал воздух и медленно отвернулся, глядя вперёд, где метрах в ста остановилось несколько комитетчиков, небольшой отряд. Увидев стаю, они замерли и ошетинились стволами автоматов.

А вот что произошло потом, я не понял. Вернее, не по-

нял, как это было возможно. Не было никаких жестов, никаких команд, никаких сигналов. Должно было что-то подействовать, как детонатор, но я ничего такого не заметил. Тем не менее, молчуны бросились в атаку на чекистов. Одновременно, как косяк рыб. Комитетчики сразу заорали и открыли пальбу.

По правому борту ударили две пули.

— Твою мать, куда шмаляете, фраера?! — заорал Шершень.

Сзади, в районе КПП, снова грохнул взрыв и послышались пулемётные очереди. Над нами пролетел армейский вертолёт. Шёл максимально низко, заставляя дрожать землю. Но «пахан» не обратил на него ни малейшего внимания. Он был сосредоточен на парнях с автоматами.

— Уходит, смотри, уходит! — крикнул Шершень, показывая вперёд.

И действительно, другой вертолёт, уносивший гражданских в лагерь, большой и неповоротливый Ми-8, начал медленно подниматься вверх. А там, где он только что находился на полигоне, загремели взрывы. Ещё одна пуля ударила в борт.

— Погнали! — заорал Шершень. — Погнали!

Я рванул с места и крутанул налево, в боковую улочку, уходя от выстрелов автоматчиков и пытаясь объехать начавшийся замес чекистов и молчунов. Нужно было выиграть хоть немного времени. Хотя, ехать на полигон смысла уже

не было.

— Народ, вы как? — спросил я, крикнув через плечо.

Шершень, посмотрел назад. Все притихли, затаив дыхание, сидели на полу среди тюков и вещей.

— Будем уходить, — выдал я окончательный вердикт и проскочил поворот, который мог бы ещё привести нас на полигон. — Там есть выезд.

Я разгонял Volkswagen и старался увести его подальше от линии огня.

— Ого, Кум, это чё! — через минуту воскликнул Шершень, указывая вперёд.

Мы летели в сторону западного КПП, и я уже сам видел, что здесь тоже всё пошло не так, как задумывалось. На дороге валялись тела молчунов и комитетчиков. Заварушка была жёсткой.

— Смотри, какой кентяра! Вон, в шахрае комитета!

У ворот находился человек. Голова, грудь, форменная одежда были — залиты кровью. Он еле стоял у ворот. Увидев нас, вытянул огромный засов и толкнул створки и чуть не упал.

— Пали, слева! — выкрикнул Шершень.

Я глянул налево. Там, пока ещё вдалеке, бежали молчуны, а позади них шествовал вожак. Такой же, как и тот, высокий и жилистый, ещё один пахан.

Ворота открылись, и мы рвались за периметр. И я резко тормознул, глянув в зеркало. Этот парень в чёрном, как под-

кошенный упал на асфальт. А сзади к нему летели молчуны.

Я переломил рычаг, резко сдал назад и снова ударил по тормозам.

— Эдуард, дверь! — рывкнул я. — Сдвигай!

Эдик подскочил к двери и рванул её в бок. Шершень открыл свою дверь. С матом и недовольством выскочил он из фургона, подхватил окровавленного парня и вместе с Эдуардом затащил внутрь.

— Ходу! — крикнул я, вжимая газ в пол.

Фургон рванул, а сзади на него посыпались удары, догнавших нас молчунов.

— Жми, кум, жми! — закричал Шершень.

Мне объяснять не нужно было. Я и так делал всё, что было возможно. Мотор надсадно заревел, увозя нас дальше от КПП. Бетонное полотно внезапно кончилось, и началась мягкая земляная дорога, поросшая травой, даже не дорога, а широкая тропа. Машина пёрла уверенно. Молчуны, естественно, отстали, а мы неслись, подскакивая на кочках, на ухабах, на корнях деревьев.

— Всё, хорош, притормози, — произнёс Шершень через некоторое время. — Уже не догонят.

Я чуть сбавил и поехал спокойнее.

— Капец, — покачал он головой. — А паханы-то в натуре на амбразуру не бросаются, да? Ты просёк?

— Как они это делают, не понимаю, — ответил я. — Слишком мало материалов наблюдения. Да, Эдуард Борисо-

вич?

Троцкий не ответил. Вместе с Ирочкой они возились с раненым.

— Что с ним? — спросил я через пару минут.

— Возможно, контузия, — крикнул Эдуард. — Рассечена бровь, кожа на черепе, поэтому очень много крови. Но переломов вроде нет. Ран тоже. Посмотрим, как будет развиваться. Надеюсь, обойдётся.

Мы ехали ещё минут пятнадцать и свернули на лужайку, не доезжая большой дороги. Место хорошо просматривалось и казалось просто волшебным. Молодая изумрудная трава, далёкие деревья, обступившие поляну, яркое чистое небо над головами — это было настоящим чудом. Ещё и кузнечики чуть стрекотали, обсуждая друг с другом накачивающий зной...

Раненого перебинтовали, уложили и оставили в покое. В сознание он пока не приходил.

— Ну что, брат и сестры, — развёл руками Шершень, оглядывая всю нашу компанию. — Походу, не удалось вам от нас оторваться, да? Видать судьбинушка у нас такая.

— Ничего, — сказал я. — До Новосибирска километров триста. До центра размещения своим ходом доберёмся без вертолётов. Так, может, ещё и надёжнее будет. Только для начала нужно смотаться на ферму.

— Нафига на ферму? — возмутился Шершень. — Посмотри, ты уже вон этого доходягу взял. Ладно, он хотя бы,

скоро кони двинет. А что мы с теми-то будем делать? У нас места вообще нет свободного.

— Там хоть какие-то шансы у людей есть, — сказал я. — А представь, они сейчас приедут на объект, а там такое. Это же всё, сразу конец.

— Да там на ферме уже все, может, позаражались.

— Может быть, — сказал я. — А может, и нет. Если что, на ферме техники хватает. Если захотят двигать на Новосиб, пойдём колонной. Ещё надёжней будет.

— Надёжней, да!

— Николай! — с укором воскликнула Люба. — Чего опять?

Шершень поморщился.

— Молчу, молчу, Любовь... Моя... Будь по-вашему, братья и сестры. Подчиняюсь не отсутствию здравого смысла, а духу гуманизма и, конечно же, любви. Спасибо, Люба, что напомнила о природе человеческой.

Он повернулся к окну и замолк. А я направил наш ковчег в сторону фермы. Проехав через Северное, мы свернули туда. Навстречу нам по пыльной дороге медленно двигалась корова, а следом за ней семенил телёнок.

— Смотри! — внезапно гаркнул Шершень, и в радиатор влупился молчун.

Машина колыхнулась, подпрыгнула и, перебравшись через него, пошла дальше. На большом дворе людей не было. Но я заметил несколько свежих трупов, появившихся после

того, как мы были здесь в последний раз. Я вывернул к управе.

— Куда?! — закричал Шершень.

— Тихо, тихо, Николай Петрович, не кипишуй, — сказал я, внимательно рассматривая двор. — Глянь, имеем троих молчунов. Без жожаков...

Они неслись прямо на нас. Я выключил двигатель. Наступила тишина. Они сделали несколько шагов по инерции и остановились...

— Старые добрые простофили, — усмехнулся Шершень. — Все б такими были.

Он опустил стекло, поднял пистолет и выстрелил.

— Дикий Запад, — сказал он. — Три ноусера.

Мы подождали. Никто на звук выстрела не прибежал.

— Возможно... — произнёс задумчиво Эдуард и замолчал.

Я обернулся, посмотрел на него. Волосы у него были всклокочены, стояли дыбом, а сам он хмурился, соображал.

— Говори, Абрам, — окликнул его Шершень. — Не держи дерьмо в себе.

— Возможно, — не обращая внимания на Шершня, снова сказал Эдуард, — существуют различные стадии. Начальная, продвинутая, финальная... Надеюсь, до полноценного включения мозговых функций дело не дойдёт. Иначе нам придётся туго...

— А сейчас прям так легко, — хмыкнул Шершень.

— Сядь за руль! — кивнул я ему и открыл дверь.

— Эй, ты куда?! Кум! С ума сошёл?!

— Прикрой! — ответил я, осматриваясь по сторонам. —

Не теряй бдительность.

— Сиди, Николай Петрович! — воскликнула Люба и подобралась ко мне сзади. — Я поведу. Только мне тоже пистолет дайте...

— Эх, любовь, любовь, — усмехнулся Шершень. — Как говорится, какая женщина, мне б такую.

— Не вывезешь, Николай Петрович, — кивнула она.

Я аккуратно спрыгнул на землю, поморщился и зашёл в здание управы. Прошёлся по коридорам, спросил, есть ли живые. Никто не отозвался. Вернулся в фургон. Мы проехали до коровника, проверили свинарник, гараж и общагу. Никого из выживших не обнаружили.

— Меня надо слушать было, — покачал головой Шершень.

— Зато теперь мы знаем, что не бросили людей, — ответила ему Люба.

— Склоняюсь перед твоей мудростью, — скривился он.

— О, Кум, смотри какой «Урал»!

Перед гаражом стоял здоровенный грузовик с кунгом.

— Вот это песня, не то что наша колбаса. Может, пересядем?

— Жрёт дофига, — ответила Люба. — Да и заметнее. Мы же не в тайгу уходим. Нам в Новосиб, а туда на нашей кол-

басе сподручнее.

— Пожалуй, — согласился я, хотя, конечно «Урал» был куда серьёзней нашего «Фолькса».

Шершень вздохнул.

— Ну всё, любимая. Уезжаем.

— Гляньте, что это там?! — воскликнула Люба и направила машину в сторону, где за кустом торчал хвост небольшого крытого прицепа.

Завернув за буйную поросль шиповника, мы увидели «Гелендваген», врезавшийся в кирпичную стену небольшого склада. Под колёсами лежало несколько раздавленных молчунов, один из них шевелил головой и щёлкал челюстью, но выбраться из-под смятого кузова шансов у него не было. Стекло машины было разбито, а водитель, сидевший за рулём... в общем, его можно было отскребать от кирпичной стены.

— Как он так разогнался? — проговорила Люба.

— Это же Коловрат, — хмыкнул Шершень. — Видать, падла вернулся, когда все свалили. Ну-ка, прикрой, братва. Я посмотрю, чё он там притырил, да прицеп загрузил.

Мы вышли.

— Полезные вещи! — воскликнул Эдуард Борисович.

Там были канистры с топливом, охотничье оружие, патроны, ящик с инструментами, несколько аптечек.

— О, карты! — воскликнула Люба, хватая пачку бумаг и листовая. — 1986 год!

— Продукты! — сказал Эдуард. — Ого, коньяк, копчёная колбаса.

— А это что такое? — нахмурился Шершень и потянул к себе большой чёрный пластиковый пакет. — Чё за расчленинка?

Он раскрыл мешок, наклонился, замер. И потом вдруг захохотал.

— Глянь, братва! — воскликнул он, оборачиваясь. — Ну, насмешил Коловрат. Ну и дятел в натуре.

Он сунул в мешок руку, схватил что-то и резко подбросил вверх. Это были деньги. Купюры разлетелись, как весёлые новогодние конфетти.

— Обалдеть! — удивилась Люба, и все дружно засмеялись следом за Шершнем.

— Надо их оставить, — сказала Юля, стоя в дверях фургона. — Когда будем где-нибудь брать, какие-то вещи, оставим деньги.

Все засмеялись.

— Да, пусть будут, — хозяйственным тоном заявила Люба. — Мало ли, ребята. Деньги пока выбрасывать не надо. Вдруг ещё всё наладится...

Все помолчали

— На худой конец, — вздохнула Юля, — если будем замерзать — начнём их жечь.

Мы перецепили прицеп к своему фургону и двинули дальше. За руль села Люба.

— Ну что, на Новосиб? — спросила она.

— На Новосиб, — кивнул я.

Она полистала карты.

— Вот смотрите... Новосибирск здесь... Проще всего вернуться на шоссе.

— Нет, поедем маленькими и пустынными путями, там, где меньше населённых пунктов, а стало быть, меньше вероятность нарваться на молчунов или каких-нибудь Коловратов.

— Согласна, — кивнула она. — Тогда вот сюда, на Колпино.

Я посмотрел на карту.

— Да, верно. Хотя вот тут мост.

— Ну мост, да мост, что такого? — пожала она плечами.

— Погнали, ребята. Чего здесь торчат?

— Стойте, стойте, — воскликнула Ирина. — Раненый очнулся.

Ему помогли сесть, он привалился к задним дверям, взял в руку бутылку минералки и обвёл всех подозрительным взглядом.

— Вы кто такие? — тихо спросил он.

— Мы-то? — ответил Шершень. — Супер братья Марио, а ты кто такой?

— Я сержант Прокудин. Я где, вообще?

— Среди живых, Прокудин, — ощерился Шершень. — Ты нам ворота открыл, забыл?

— Давно всё закончилось?

— А мы не знаем, закончилось или нет, — пожал плечами Эдуард. — У вас что-нибудь болит?

— В смысле? — не понял он. — Как не знаете? Слышно же, что не стреляют...

— Мы уехали с объекта...

— Вы что, меня увезли с собой?! — резко воскликнул он и попытался вскочить. — Меня же в дезертиры запишут!

— Слышь, братан, — покачал головой Шершень. — На тебя орава этих тварей летела. Забыл? Мы тебя у них буквально из-под носа дёрнули. Так что вообще не удивлюсь, если там у вас уже все того. Кирдык.

— Что за дичь! — резко ответил Прокудин.

— Да ладно, гражданин начальник, не кипишуй. Скажи спасибо, что доктора тебе флягу замотали. А то побежало из неё. Расскажи лучше, что за базар-вокзал. Откуда вся эта свора появилась? Всё ж чисто было.

— Они вынесли дверь из штабного корпуса, — нахмурившись, сказал Прокудин.

— Как это вынесли? — удивился Шершень.

— Да хрен их знает, взяли и вынесли, — с раздражением ответил сержант.

— Возможно, шума много стало, — почесал затылок Эдуард. — Это их заставило консолидировать усилия. Хотя... немного странно. Возможно, как-то спонтанно вышло...

— Их паханы заставили, — недобро усмехнулся Шер-

шень. — Я отвечаю. Начальник, а ты видел там альфачей? Конкретные такие, паханы, короче. Абрам, разъясни за альфачей.

— Потом расскажем, — махнул рукой Троцкий.

Прокудин закрыл глаза и замолчал.

— А потом же армейские прилетели, — вдруг воскликнул он. — Там тёрки за объект пошли. И эти как раз вырвались из штабного корпуса. Их там было голов двести, если не больше. Но я сам видел только несколько.

— Так их армейские и выпустили! — безапелляционно заявил Шершень. — Стопудово!

— Да как? Они же на вертушках кружили!

— Значит, ваши!

— Ты думай, чё несёшь! — обозлился сержант. — Мы дежурили с парнями на западном КПП. Кстати, а где там Юрок и Валик?

— Да походу... это их тела мы там и нашли, — кивнул Шершень. — С оторванными... Ну, в общем, нашли и точка.

— Мне нужно на объект! — твёрдо отчеканил сержант и поморщился.

Ирочка покачала головой и глянула на меня, как бы говоря, что пациент не в себе.

— Короче, если хочешь, до поворота можем тебя докинуть, да Кум? — кивнул Шершень. — А там лесом за часок до базы дошкандыбаешь. Но я тебе так скажу, пока мы тут туда-сюда мечемся, ловить там будет нечего. Нет больше

объекта, вот и всё. Ты лучше скажи, как человек, приближённый к начальству, чё там ваш полкан заливал про лагеря мирной жизни?

— А вы кто такие вообще? — окинул на нас мутным взглядом Прокудин.

Компания у нас была разношёрстная, что и говорить.

— Мы мирные граждане, — сказал я. — Вывозим женщин и детей. Крамской ваш обещал нас в лагерь доставить, но улетел без нас.

— Он не улетел, только транспорт отправил, — твёрдо сказал раненый.

— Ну и что там за лагерьёк пионерский? — не сбиваясь с темы, продолжил Шершень. — Чё по чём, хоккей с мячом?

— Лагерь, как лагерь, — пожал плечами Прокудин. — Общаги, казармы. Кого куда распределяют. Еда есть, вода есть, медикаменты — пока тоже. Только в первую же ночь там половина обратилась. Ещё половину оставшихся заразили на следующий день. А потом ещё привезли несколько машин с новичками. Если будет столько прибывать, места точно всем не хватит.

— Столько уже не будет, — уверенно сказал Эдуард. — С каждым днём живых людей будет всё меньше.

— А ты по жизни кто? — спросил Шершень, пристально разглядывая Прокудина.

— По жизни я пожарный, — пожал тот плечами.

— Пожарные нам нужны! — усмехнулся Шершень. — Да,

братья и сестры, нужны нам пожарные? У нас, мил человек, у каждого в душе знаешь, какой пожар бушует. Заливать запарисься...

Мы поехали дальше. Я сел на спальник на полу рядом с Юлей. Она чуть кивнула и едва заметно улыбнулась. Рядом с ней сидела Леночка. Сначала сидела, потом опустилась, положив головку ей на колени. Юля осторожно провела рукой по её волосам и улыбнулась открыто и широко.

— Скоро всё устроится, — тихонько сказала она. — Скоро уже приедем...

Ирина находилась рядом с Прокудиным. Она бросала тревожные взгляды на дочь, на меня и на Юлю. В основном молчала, хмурилась и изредка коротко переговаривалась с Эдуардом.

— Ирочка, — вздохнул Троцкий. — Не переживайте вы так. Мы же живы, всё необходимое есть. К вечеру приедем в лагерь. Всё наладится. В конце концов, всё всегда налаживается.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, будто ожидая подтверждения, но я только подмигнул и чуть кивнул. Посмотрим... Посмотрим...

Часа два мы шли без проблем, останавливались на обед и по надобности, кому требовалось, находили безопасные места. Дорогу выбрали почти просёлочную. Это удлинит

маршрут раза в два, так что к Новосибирску мы должны были подрулить только вечером. Но зато молчунов почти не встречали, лишь рядом с деревнями, которых на нашем пути было раз-два и обчёлся. В одной деревне даже заправились, скачав топливо прямо из цистерны бензовоза.

— Жалко, цистерну с собой не взять, — покачал головой Шершень.

Из живых людей мы не встретили никого. Возможно, если и уцелели — прятались. Мы, собственно, никого не искали. Ехали и ехали по лесам да полям. Голубое небо, просторы, чистая зелень действовали успокаивающе.

— Сейчас за тем пригорком будет мост, — сказал я, разглядывая карту.

За рулём сидел Шершень. Я перебрался на переднее сиденье и сидел сейчас вместе с Любой, склонившись над картой.

— Слышь, кум, ты там девчонку мою не лапай, ты понял? — бросил Шершень.

Когда я глянул на него, он засмеялся, поднял руку.

— Да ладно, ладно. Тебе-то верю. Себе не верю, а тебе верю.

— Разговорился ты что-то, — усмехнулась Люба. — Рули давай. С моста не навернись.

Мы выскочили из-за поворота и действительно увидели мост. Увидели и остановились. Мост был тот ещё, одно название, просто маленький настил через узкую речку, почти что ручеёк. Правда, берега у этого ручейка были крутыми,

так что проскочить без моста шансов не было.

— Ну и кто накаркал? — процедил сквозь зубы Шершень и сплюнул в окно.

Все молчали. Мост перекрывал здоровенный лесовоз. Переднее левое колесо у него свесилось с моста над речушкой, задние колёса длинного прицепа стояли на берегу. Рядом валялось несколько здоровенных брёвен.

— Приехали, — покачал головой Шершень. — Стоп-машина. И чё теперь?

— Пойдём глянем, — сказал я. — Может, получится отогнать.

Мы вышли из фургона, подошли к мосту. Шершень прошёл вперёд, я двинул за ним. Он подошёл к кабине, поднялся на подножку, заглянул в окно и резко отшатнулся. В тот же миг в стекло ударила голова молчуна.

— Тьфу сука, чухан, в натуре! — выдал скороговоркой Шершень и сплюнул вниз в реку.

Он постоял немного, мотая головой, потом заглянул в кабину.

— Походу, напарник проснулся в плохом настроении, — зло усмехнулся он. — Ты б видел, чё он с машиной сделал. Он в ремне запутался, не может вырваться... Ну давай, Кум, полезай, отгони. Ты ж хотел отогнать, да?

Я помолчал. Покрутил головой. Местность была открытой, и никакой опасности я не заметил, но соблюдать осторожность нужно было всё равно и без острой необходимости

не стрелять.

— Не хотелось бы шум поднимать, — сказал я.

— Так давай голыми руками его завали! — усмехнулся Шершень. — Давай, чё ты там стоишь!

— Можно разбить стекло, — предложил я и прошёл вперёд. — Он кинется и тогда...

Вдруг мост под нами дрогнул и я не договорил.

— О-ба! — воскликнул Шершень. — Чё за на?

— Давай-ка, Николай Петрович, — сказал я, мгновенно остановившись. — Не прыгай только. Аккуратно слезай.

Раздался громкий и мощный треск.

— Охренеть, Кум!!!

— Давай, Шершень, скорее!

Он спрыгнул с подножки, и мост снова дрогнул. Дрогнул и затрещал, чуть накренившись налево. Брёвна угрожающе стукнули.

— Быстро, быстро, быстро, Николай Петрович! — бросил я, отступая к берегу. — Мухой!

Идти было неудобно, лесовоз занимал практически весь мост, и Петрович переступал, хватаясь за прицеп, практически балансируя над водой. Упасть с этого моста было не страшно. Но гружённый лесовоз грозил стать настоящим курганом и обещал полный трывдец.

Мост снова затрещал, и в том месте, где соединялся с дорогой, образовалась охрененная трещина. Петровичу оставалось сделать два-три шага.

— Давай, Шершень, прыгай! — крикнул я.

Он сообразил сразу. Оттолкнулся руками и ногами, постарался скакнуть на берег. Нога подвернулась, и он грохнулся, ударившись грудью о насыпь на краю. Вскрикнул, захрипел, и в тот же самый миг мост с невероятным треском и грохотом обрушился вниз.

— Давай! — заорал я, хватая его за руку и вытаскивая его наверх. — Скорее!

Мы рванули прочь, подлетели к фургону и обернулись. На то место, где мы были несколько минут назад, летели огромные тяжёлые бревна.

Наша команда прилипла к окну, с ужасом следя за нами. Шершень заметил, сразу подобрался, изобразил улыбочку.

Люба вылезла из машины с картой в руке. Подбежала, хлопнула его по плечу.

— Ты зачем мост сломал? — спросила она с усмешкой, но в глазах её ещё стоял испуг.

Из фургона вышли и Юля с Ирой.

— Держи, — протянула мне Ирина таблетку и бутылку с водой.

— Ты как? — тихонько спросила Юля...

— Нормально...

— Давайте вот сюда попробуем, — сказала Люба, водя пальцем по карте. — Смотрите, тут всего... сколько это, километра три-четыре? Да... тут есть деревня. Проедем через неё. А вот тут ещё одна.

— Нормальная дорога, — посмотрел я на карту. — Крюк, конечно, километров двадцать, но других вариантов я не вижу.

— А кто у нас каркал? — покачал головой Шершень. — А?

— Ладно, поехали в объезд, зато без мостов.

Мы загрузились в фургон и двинули по новому маршруту. За руль села Люба, а мы с Шершнем устроились на переднем сиденьи. Дорога была ровной и монотонной. Я задремал, но почти сразу проснулся. Дёрнул головой и открыл глаза. Люба резко затормозила. Перед нами блестела огромная лужа. Объехать никак было нельзя.

— Мост нужен, — усмехнулся Шершень. — Чё делаем, Кум?

— Я пройду босиком по луже, — сказал я. — Посмотрю, прощупаю, что там и как, сориентируюсь. После этого примем решение. Слишком большая лужа.

Я вылез из кабины.

— Ты гонишь, Кум, — покачал головой Шершень и заржал. — А вдруг там крокодил? Схватит тебя за жопу, будешь знать.

— А какие ещё есть варианты? — пожал я плечами.

— Ну-ка, Любаша, дай-ка папка поведёт.

Он согнал Любу из-за руля.

— Нет, — сказал я. — Не стоит, Николай Петрович. У нас здесь техпомощи нет.

— Не очкуй, кум! — воскликнул Шершень. — А то мы и за неделю до Новособа не доедем.

— Стой, я тебе говорю! — повысил я голос. — Не вздумай!

— Да харэ, Кум! — заржал он. — Я такие лужи преодолевал, когда ты ещё мамкину титьку сосал. Смотри и учись!

— Шершень, блин!

Он ухмыльнулся и рванул с места. Разогнался и на всём ходу влетел в лужу, вздымая фонтаны чёрных грязевых брызг. Уверенно пошёл дальше, поддавая жару и вдруг... Машина клюнула, проваливаясь ниже, и зарылась. Заревел двигатель, выплёскивая из-под низа струи воды, как древний колёсный пароход. Но с места фургон не сдвинулся...

Я выматерился и пошёл вокруг лужи.

— Топор бери и дуй сюда! — крикнул я. — Жерди пойдём рубить.

Шершень не сдавался — пытался качнуть назад, вперёд, назад, вперёд. Буксовал и зарывался всё глубже.

— Шершень, блин! Ты сейчас туннель к центру земли выроешь. Отставить! В натуре!

— Надо прицеп отцепить! — крикнула Люба.

Мы разулись и пошли возиться с прицепом. Отцепили, но не помогло. Проплясали часа два. Нашли деревья, нарубили жердей. Раскачивали, подкладывали, толкали. Вперёд. Назад. Хрен.

— Нужен трактор, — сказал наконец Шершень, когда

обессилевшие и вымотавшиеся мы уселись на берегу лужи.

Люба взяла карту.

— Цыпанька! — усмехнулся он.

— Ох, кому-то попадёт за эту цыпаньку! — огрызнулась мокрая, перепачканная грязью Люба.

— Что там? Где деревни?

— Километра три-четыре по этой дороге, — махнула она рукой.

— Люба, остаёшься за старшую, — сказал я. — Сержант Прокудин на подхвате. Если что, два водителя у вас есть. Сидите в машине, лишний раз не выходите. Оружие держите наготове. Мы пойдём за трактором. Приедем, когда найдём.

Сержант, пытавшийся активно участвовать в освобождении фургона, лежал в траве. Ему стало хреново и доктора велели ему не дёргаться.

— Короче, мы погнали, — сказал Шершень. — Найдём там какой-нибудь трактор. Или «Урал». Вот пересели бы сразу на «Урал», шас бы никаких проблем не было. Ладно. Люба, жди меня, и я вернусь. Только очень жди.

Примерно через час мы зашли в деревню Хвосты и остановились.

— Идём тихонько, не шумим, не барагозим, — предупредил я. — Не стучим. Не топаем. Прикрываем друг друга на расстоянии. В одной руке нож, в другой пистолет. Стреляем

в крайнем случае. Шухер не поднимаем.

— Кого ты учишь, кум? — прошептал Шершень, разглядывая лежащую перед нами улицу, заборы, бурьян, дома.

Не было видно ни людей, ни молчунов. Тракторов тоже видно не было. Тёплый вечерний ветерок шелестел по сухой грунтовке, гонял пылинки. Солнце покраснело. Вечерело.

— Не учу, Николай Петрович, — твёрдо ответил я. — Провожу инструктаж.

— Да понял я, понял. Шуметь не буду. Вон, смотри, видишь? — махнул он рукой. — Нам туда. Это знаешь чё? Пивзавод. Чуешь запах?

Действительно, ветерок принёс что-то хмельное, хлебное...

— Значит, там есть гараж. Трактор наверняка найдётся. А ещё там есть пиво, братан. Сейчас бы я засадил кружечку. Холодненького да нефильТРованного. Что скажешь?

Было жарко, по спине скатывались капли пота. Вились мушки. И да... кружечку холодненького...

— Скажу, что надо соблюдать тишину, — ответил я и кивнул, давая команду следовать к объекту.

Мы двинулись. Перед запертыми на висячий замок воротами лежало несколько аккуратно сложенных молчунов.

— Похоже, есть люди, — нахмурился я. — И это, скорее, плохо, чем хорошо.

— Люди — к войне, в натуре, — кивнул Шершень. — Раки — это к драке, Кум... А люди...

Он начал осматриваться, глядя под ноги.

— Чего ищешь, следопыт? — спросил я.

— А вот, — ответил он, наклонился и поднял из пыли согнутый ржавый гвоздь.

Из кармана он вынул небольшой перочинный ножик с несколькими лезвиями.

— В санчасти нашёл, — кивнул он, проследив мой взгляд и подошёл к замку.

Склонившись над замком, он поколдовал немного, засовывая в крупную скважину тонкое лезвие и гвоздь.

— Ну, вот, — хмыкнул он, после щелчка и снял замок. — Учись, пока я жив...

Шершень потянул створку ворот. Она закрипела и поддалась. Мы постояли немного, разглядывая двор, и прошли в ворота.

— Всё своё ношу с собой, — сказал он и добавил. — Вход рубль, выход — два.

Мы пошли по внутреннему двору, осматриваясь и вглядываясь в окна небольших строений.

— Вон гараж, видишь? — кивнул Шершень.

Двор был засыпан соломой, будто её разнесло ветром. Или специально рассыпали. Чересчур равномерно...

— Скотину что ли держат? — хмуро прошептал он.

— Нет, — покачал я головой. — Был бы запах...

Мы медленно шагали, глядя по сторонам, всматриваясь в тёмные окна зданий. Двор был пустым.

— Что-то как-то слишком пусто, — сказал Шершень. — Стерильно...

— Николай Петрович, отойди немного, — кивнул я. — Не шагай след в след. Слышишь меня?

Я оглянулся, взглянув на него, и почувствовал, как под ногой стукнула металлическая крышка.

— Люк! — успел воскликнуть я, и в тот же миг железная дверь под ногами распахнулась.

Мы вместе с Шершнем полетели вниз и упали во что-то сухое и сыпучее.

— О, ячень что ли... — проговорил он.

И в тот же миг послышался быстрый приближающийся звук. На нас летело трое молчунов....